

DOI 10.5862/JHSS.239.17

УДК 327

С.Ю. Волков

ЭТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЫ ГУГО ГРОЦИЯ

Статья посвящена изучению нравственного содержания и юридического осмысления международных отношений эпохи раннего Нового времени в доктрине основателя науки международного права Гуго Гроция (1583–1645). Важное место отведено исследованию философской основы этической концепции великого голландского ученого, его заслуг в становлении фундаментальной теории естественного права, а также конкретных принципов и методов, которые он предлагает для урегулирования политических потрясений. Актуальность обращения к исследованию идей Гроция определяется прежде всего тем, что в настоящее время вновь приобретают первостепенную значимость такие ключевые проблемы международных отношений, как смягчение религиозных конфликтов, устранение неоправданной жестокости военных действий, защита прав беженцев и военнопленных, обеспечение безопасности мирного населения, гуманное отношение к побежденному противнику.

ЭТИЧЕСКИЕ НОРМЫ; РАННЕЕ НОВОЕ ВРЕМЯ; ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ; ГУГО ГРОЦИЙ.

Важнейшие проблемы международного гуманитарного права – преодоление национальной и религиозной нетерпимости, обеспечение прав беженцев и военнопленных, смягчение средств и способов ведения вооруженных конфликтов – в полной мере проявились еще на заре эпохи Нового времени. В наше время они вновь приобретают особую остроту, поскольку обозначившийся кризис Вестфальской системы сопровождается стремительным расширением географии войн и революций. Решение данных проблем в значительной степени связано с повышением значимости морального фактора в мировой политике и с эффективным использованием принципов и норм международного права. Стремление найти в постоянно изменяющейся политической обстановке начала XXI в. прочную основу для выстраивания мирного будущего всего человечества порождает особый интерес к творческому наследию основателей рационалистического направления доктрины естественного права, которые решали в своих трудах подобные задачи на этапе формирования Вестфальской системы.

Среди великих мыслителей раннего Нового времени наибольшее влияние на установление принципов правового и морального регулиро-

вания международных отношений оказал знаменитый голландский ученый, «отец науки международного права» Гуго Гроций (1583–1645). Он стремился создать правовые механизмы преодоления последствий важнейших социально-политических катаклизмов эпохи (Нидерландская и Английская буржуазные революции, религиозные столкновения во Франции и Германии), а также приобретавших общеевропейский масштаб вооруженных конфликтов, таких как Итальянские войны (1494–1559) и Тридцатилетняя война (1618–1648).

Целью своего главного трактата – «О праве войны и мира» (1625) Гроций считал доказательство существования «вечных, свойственных всем временам законов», которые сохраняют свою силу не только в мирное время, но и в период войны, когда внутригосударственные законы больше не действуют: «*Не следует начинать войну, ни продолжать начатую войну иначе, как соблюдая границы права и добросовестности*» [1, с. 50].

Признавая необходимость силы для проведения законов в жизнь, Гроций, тем не менее, считал, что даже лишенное поддержки силой право необходимо соблюдать, так как следование справедливости избавляет от душевных мук

и Божьего гнева [1, с. 49]. Данное обстоятельство дало основание крупнейшему отечественному исследователю политико-правовых учений В.Э. Грабарю отнести Гроция к «богословско-этическому направлению» в науке международного права. «Для этой школы характерной чертой является морализующая тенденция ее представителей. Гроций, хотя и отделяет мораль от права, но мораль играет в его системе видную роль. Так, она ограничивает суровое применение норм естественного права» [2, с. 22].

Разнообразие, аморфность и нестабильность базы источников права, характерные для эпохи раннего Нового времени, вызвали настоятельную необходимость четкого структурирования их системы. Поскольку средневековое феодальное законодательство отличалось крайней противоречивостью, Гроций взял за основу универсальный, хотя и весьма субъективный, источник права – естественный разум. Его проявления он находил в однородных правовых нормах различных государств, в общих религиозных канонах, а также в сходных рассуждениях прославленных юристов, правителей, богословов и литераторов. Что же касается «права народов» (т. е. международного права), то оно является в его схеме промежуточным звеном между естественным и внутригосударственным правом. Нормы «права народов» возникают, по мнению Гроция, на основании естественно-правовых норм, а также международных договоров, принимаемых подавляющим большинством субъектов международных отношений. По словам одного из последователей Гроция – швейцарского юриста-международника Эмера де Ваттеля, «убежденный в том, что нации, или суверенные державы, подчинены власти естественного закона, к соблюдению которого он так часто их призывает, этот великий ученый признает в основном естественное право народов (которое он называет иногда внутренним правом народов)» [3, с. 13].

Историческая заслуга Гроция состоит в систематизации огромного комплекса юридических, исторических и теологических источников и подведении под него стройной философской концепции. Его трактат надолго определил понимание права войны для полководцев, государственных деятелей и юристов-международников: несмотря на общее стремление к миру, война признавалась естественным состоянием

человечества, однако прибегать к ней допустимо только для сохранения принципов справедливости [4, с. 208–210].

Известный современный специалист в области генезиса этических идей Р.Г. Апресян видит фундамент концепции Гроция в одной из двух главных, сформировавшихся в рамках христианства традиций понимания должного поведения перед лицом несправедливости. В противоположность принципу «непротивления злу насилием» эта традиция отстаивала нравственную оправданность применения силы для противостояния агрессии. «Она восходит к Амвросию Медиоланскому и Августину Блаженному, который опирался на античных авторов, в первую очередь на Цицерона. Наиболее значимое классическое выражение она получила в поздней схоластике – у Фомы Аквинского, Ф. де Витория и Ф. Суареса, а современный вид приняла благодаря Г. Гроцию, чей трактат «О праве войны и мира» лег в основу международного права. Данная традиция оформилась в учении о справедливой, или оправданной войне, принципы которой выводились из норм допустимой самообороны» [5, с. 146].

Как отмечает исследователь этических аспектов государственно-правовых явлений В.Н. Жуков, «западноевропейский рационализм, ярко представленный в школе естественного права (Г. Гроций, Б. Спиноза, Дж. Локк, Т. Гоббс, Ж.-Ж. Руссо, Ш. Монтескье, И. Кант), традиционно соединял право с разумом и моралью. „Разумная мораль” или „моральный разум” – это типичные для западноевропейской философии права начала, содержащие нормы естественного права и служащие ориентиром законодательству. Поскольку для естественного права вообще характерно обращение к человеку как некоей первичной инстанции, от которой право исходит и для защиты которой оно создается, постольку данную школу всегда интересовали моральные ценности, ставящие личность в центр социальной жизни» [6, с. 11].

Так, в предисловии к своему раннему трактату «Свободное море» (1609) Гроций, обращаясь к «государям и свободным народам христианского мира», выступает против «бессмысленного мнения» тех, кто полагает, что «правители не должны руководствоваться правом, что они действуют по своей воле, руководствуясь только соображениями пользы. Бог, создатель природы

и человека, установил законы, написанные не на меди и не на таблицах, а в чувствах и в сердцах людей, и этим законам подчинены все от мала до велика. Этим законам не могут не знать люди, не могут не знать народы. Ими поддерживается общество всего рода человеческого, его согласие и спокойствие» [7, с. 7–8].

Феодальные и религиозные войны XVI века, особенно начальная стадия кровопролитной Тридцатилетней войны, со всей серьезностью поставили вопрос о необходимости введения способов и принципов военных действий в цивилизованные рамки. Гроций решал эту задачу по двум направлениям, которые можно условно обозначить как «юридическое» и «этическое»:

1) сформулировал нормы естественного права и права народов, которые должны действовать как в мирное время, так и в период войны, нейтрализующей внутригосударственные законы;

2) подчеркнул значимость общечеловеческой и христианской морали, которая ограничивает «совестью» даже юридически допустимые акты.

Отношения между людьми бесконечно многообразны и трудноформализуемы, особенно в период жестоких кровопролитных войн, поэтому пытаться выработать специальную юридическую норму на каждый случай – это заведомо бессмысленная идея. Для решения данной проблемы ученый ранжирует уровни должностования поведения, чтобы в конкретных обстоятельствах участники не подгоняли под свои действия выгодную им произвольно выбранную правовую норму, а отталкивались от неизменных принципов естественного права, ориентируясь на возможно более гуманную форму взаимоотношений.

С самого начала, касаясь моральной оценки действий различных субъектов в ходе войны, Гроций подчеркивал дуальность возможных вариантов: поскольку законы (и божественные, и человеческие) в основном носят диспозитивный характер, то, даже не выходя за рамки норм естественного права, можно совершить не вполне справедливый поступок. Причиной это является тот факт, что главный критерий естественного права – справедливость – с необходимостью предполагает соответствие лишь разумной (но не обязательно нравственной!) природе человека. Свобода причинять вред и убивать

узаконена на войне, но право войны не освобождает от всякой вины, а лишь создает безнаказанность за совершение многих аморальных поступков в период военных действий.

В трактате «О праве войны и мира» подчеркивается необходимость добросовестности между врагами в ходе военных действий, так как она делает возможными установление перемирия и гарантирование прав сдающихся городов. При этом обязывающая сила обещаний возникает «на основе соединения разума и речи» (главных атрибутов человека, по Гроцию), «*враги ведь не перестают быть людьми, а все люди, достигшие разумного состояния, способны приобретать права в силу обещания*» [1, с. 762]. У победителя возникают определенные моральные обязанности перед побежденным: кроме нетерпимости к убийствам и грабежам «даже в этих пределах» лучше быть милосердным, что иногда, «в зависимости от обстоятельств... просто необходимо» [Там же. С. 788–789].

В отличие от математики этика не дает абсолютных образцов, так как, во-первых, любая мелочь способна изменить оценку ситуации, а во-вторых, существует промежуточная форма между должным и недопустимым – «то, что дозволено делать» (т. е. разрешенное).

Критериями моральной оценки Гуго Гроций считает:

1) «*доводы из самого дела, заимствующиеся из причин и сопутствующих обстоятельств*»;

2) «*советы мудрых*», т. е. тех, кто обладает доверием окружающих, поскольку требуются «*известного рода умение и опытность*» [Там же. С. 538].

Если кто-либо, субъективно считая действие несправедливым, всё же совершает его, то оно порочно, даже объективно являясь справедливым. Следовательно, в случае неразрешимых нравственных противоречий лучше не делать вообще ничего, но если такое воздержание не решит проблем, то нужно выбирать наименьшее зло, поскольку «*предпочтительнее оправдать виновного, чем осудить невинного*» [Там же. С. 537–539]. В частности, Гроций указывает, что от войны «*обычно проистекают великие бедствия даже для неповинных*», поэтому при любой возможности и в случае колебаний следует от нее воздерживаться.

В современных ему международных отношениях ученый специально оговаривает

необходимость справедливого суда и неприемлемость «права талиона», указывая, что для законности убийства недостаточно раздражения победителя упорным сопротивлением или желанием устроить других: необходимо совершение потенциальной жертвой такого преступления, которое «беспристрастный судья» признает заслуживающим смерти. «*Природа не допускает воздаяние равным за равное в отношении кого-либо, кроме тех, кто совершил преступление. И не достаточно то соображение, что враги признаются как бы за некое единое тело... Даже польза, ожидаемая от устрашения на будущее, не создает права убийства... Еще меньше оправдывает избиение досада за испытанное поражение*» [1, с. 603, 706–707]. Общим правилом, по Гроцию, должен быть установлен приоритет ценности человеческой жизни по сравнению с любыми имущественными взысканиями.

Трактовка Гроцием правил ведения войны устанавливает многочисленные «ограничения» по «внутренней справедливости» даже тех действий, что юридически дозволены. «Посредством цитат из Библии, Илиады и других античных работ он пытался доказать существование международно-правового обычая, который разрешал бы во время войны убивать детей и женщин» [8, с. 223]. Но в последних главах трактата Гроций объявляет этот обычай противоречащим не только морали, но также «правопорядку высшего ранга» *aequitas ac jus naturale* (разумности и естественному праву). Следовательно, должна быть дарована жизнь детям, старикам и женщинам, священникам и клирикам, крестьянам и купцам, военнопленным и капитулировавшим.

Гроций видит актуальность и необходимость регулирования международных отношений с помощью естественного права, призывает к устранению неоправданной жестокости военных действий. «*Мы бываем иногда свидетелями жестокости над пленными и сдавшимися или же отклонения сдачи на милость победителя молящих лишь о сохранении жизни, если, будучи убеждены в несправедливости войны, они всё же продолжают оставаться с оружием в руках; если они уронили славу противника причинением огромного урона; если они нарушили клятву или иную норму права народов, как, например, права послов; если они являются перебежчиками*» [1, с. 706]. Гуманное отношение к врагу — залог введения в цивилизованные рамки такого за-

ведомо негуманного политического феномена, каковым является война.

Дополнительным фактором, усугубляющим последствия военных действий, в эпоху раннего Нового времени стал раскол европейского католического единства в результате начавшегося движения Реформации. Это потребовало качественно иного отношения к идеологии международных отношений. Подъем протестантизма сделал невозможным традиционный в европейских межгосударственных спорах эпохи Средних веков папский арбитраж, основанный на признании всеми сторонами конфликта религиозного и морального авторитета Святого престола. В результате юристы стали предлагать более рационалистические методы урегулирования конфликтов и всё чаще апеллировали к принципам и понятиям светской этики [9, с. 25].

Гуго Гроций выступал против религиозной нетерпимости не только в своих юридических трудах. Он написал несколько десятков теологических трактатов (около половины всего творческого наследия!). Как отмечают исследователи, они проникнуты идеей примирения церковью ради общечеловеческого блага [10, с. 568]. Например, в трактате «*De veritate religionis Christianae*» (1619–1621) Гроций доказывал, что высшая христианская истина находится вне конфессий, так как для спасения христианину необходимо лишь небольшое число исходных истин. Это открывало возможность для свободной дискуссии о менее важных религиозных догматах и мирного сосуществования различных церквей [11].

Однако в отличие от политико-правовых построений ученого, быстро получивших широкое международное признание, его высказывания о религиозной толерантности и ненаказуемости еретиков оказались чрезмерно идеалистическими, чтобы найти хоть какое-то серьезное воплощение в реальной действительности. Слишком сильны были религиозные противоречия, являвшиеся наиболее распространенной предпосылкой вооруженных конфликтов раннего Нового времени.

Жестокость вооруженных конфликтов данной эпохи, особенно общеевропейской Тридцатилетней войны, вызвала настоятельную потребность в регулировании прав многочисленной категории беженцев, сорванных

со своих мест боевыми действиями и часто не находящих приюта и защиты. В условиях войн и революций начала XXI в. проблема миллионов беженцев вновь приобрела особую значимость. Причем в решении данной проблемы важную роль играет именно этическая составляющая, так как мировое сообщество не может просто самоустраниться от помощи попавшим в безвыходную ситуацию людям, даже если эта помощь не оговорена в международных обязательствах.

По мнению Гроция, даже в мирное время проезжающие на чужой территории могут на неопределенное время остановиться в случае болезни или по другой уважительной причине, а также построить временное жилье для себя. Тем более обоснованы потребности вынужденных переселенцев, поэтому «иностранцы, изгнанные из места постоянного пребывания и ищущие убежища», должны быть им обеспечены, если готовы подчиняться местной власти и выдвигаемым ею условиям. При соблюдении законов страны пребывания и признании существующей власти они могут занять необработываемые пустоши в пределах другого государства (с разрешения или даже явочным порядком) [1, с. 211]. Что касается вещей первой необходимости, то их без разрешения хозяина получить уже нельзя, так как, возможно, он сам находится в нужде. Однако даже при условии, что местные жители сами бедствуют, беженцев изгонять запрещено [Там же. С. 212].

Актуальна и другая сторона данной проблемы: имеют ли право жители какой-либо страны на свободное переселение за ее пределы? Гроций отвечает на этот вопрос следующим образом. Если в условиях образования конкретного государства прямо не оговаривался запрет на выход граждан из-под его власти, то каждый может сам выбирать государство и покидать его, но «не скопом» и непременно погасив все свои обязательства, главное из которых — платить налоги. Причем, по мнению Гроция, такая свобода может быть выгодна и самим государствам, потому что стимулирует их власти к созданию достойных условий для жизни населения. «Принятие отдельных подданных, которые пожелают перейти из одного подданства в другое, не противоречит дружбе. Ведь это не только естественная, но и полезная свобода... К этому же я причисляю предоставление изгнанникам убе-

жища, ибо у государства нет уже никаких прав в отношении его изгнанников» [Там же. С. 255–256].

Следует учитывать важный нюанс: «Право убежища полезно тем, кто страдает от незаслуженного гонения, а не тем, кто совершит что-либо насильственное против человеческого общества или других людей» [Там же. С. 510]. Однако уже в Средние века в Европе, как подчеркивается в трактате «О праве войны и мира», установился обычай требовать выдачи лишь тех преступников, которые совершили либо особо тяжкие проступки, либо преступления, направленные на свержение законной власти и против государственного порядка. В остальных случаях принято «забывать» о них, если по поводу выдачи нет специального договора [Там же. С. 513].

Гуманистическая направленность трактата «О праве войны и мира» касается не только сохранения жизни людей, но и отношения к телам после смерти, которое во многом характеризует уровень цивилизованности общества. «По праву народов, имеющему источник в человеческой воле, обязательно также погребение тел умерших» [Там же. С. 439]. Оно предписывается прежде всего божественным правом, а внутригосударственное право поддерживает данную норму. Само происхождение обычая погребения (в различных вариантах — ингумация, мумифицирование, кремация) представляется спорным: возвращение тела земле, надежда на будущее воскрешение, защита от пожирания зверьем... Но независимо от этого нужно соблюдать «достоинство человеческой природы», предполагающее оказание погребальных почестей, «ибо противно разуму выставлять тайны человеческой природы после смерти напоказ всем, оттого мы издревле усвоили обычай погребать человеческие тела, дабы они тайно и вдали от взора истлевали в могильных склепах» [Там же. С. 442].

Гроций подчеркивает, что это необходимо не столько отдельному человеку, сколько «человечеству как таковому, то есть природе человеческой», поэтому погребать следует даже тела врагов. Хотя в отношении преступников существует спорная ситуация, не позволяющая говорить о предписании права народов, но ученый считает «достойным» погребение даже тех, кто сам отказывал в этом другим. Божественное право допускает оставлять без погребения лишь самоубийц (у некоторых народов также святотатцев и изменников). Показательно, что в

данном случае Гроций, вопреки свойственному ему стремлению всячески избегать войн, однозначно утверждает, что «по общему согласному мнению» (отраженному в праве народов) отказ в праве погребения может быть справедливой причиной объявления войны [1, с. 446].

Заканчивая трактат «О праве войны и мира», Гроций выражает мысль, которая была злободневной в XVII в. и, к сожалению, остается актуальной в начале XXI в.: «*Некая звериная сила преобладает по большей части на войне; тем усерднее должно стремиться к тому, чтобы она смягчилась человеколюбием, пока, чрезмерно подражая диким зверям, мы не разучились быть людьми*» [Там же. С. 823–824]. Как справедливо замечает В.Э. Грабарь, «дух гуманности, которым проникнута вся книга Гроция, в сочетании со значительным простором, предоставленным деятельности государственных людей, сделали ее для последних желанным, приемлемым руководством, а представителям науки книга Гроция импонировала главным образом созданной автором стройной системой естественного права» [12, с. 49].

Таким образом, популярность и влияние доктрины Гроция во многом обусловлены именно ее этической составляющей и гуманистической направленностью, которые, являясь

несомненным недостатком с точки зрения позитивистской школы международного права, обеспечили возможность гибкой адаптации его идей к изменяющимся условиям политической действительности. Фундаментальные принципы справедливости и гуманизма, характерные для естественно-правового направления, оказались более надежны и востребованы, чем любые формализованные «позитивистские» нормативные акты. Многие идеи Гроция (в том числе касающиеся устранения неоправданной жестокости военных действий) показали свою актуальность не только при создании Вестфальской системы международных отношений в XVII в. [13, с. 70], но и при обосновании приговоров военным преступникам Второй мировой войны и составлении уставных документов Организации Объединенных Наций триста лет спустя [9, с. 29–30]. В современных условиях, когда вооруженные конфликты вновь вспыхивают по всему миру, они приобретают первостепенную значимость. Хотя дискуссии о степени эффективности международно-правового регулирования острых противоречий не утихали никогда, заслуги великого голландского ученого в спасении огромного количества человеческих жизней не вызывают сомнений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гроций Г. О праве войны и мира. М.: Госполитиздат, 1957. 868 с.
2. Грабарь В.Э. Гуго Гроций и Альберико Джентили как представители двух направлений в науке международного права // Изв. АН СССР. Отд-ние экономики и права. 1946. № 1. С. 13–25.
3. Ваттель Э. Право народов, или Принципы естественного права, применяемые к поведению и делам наций и суверенов. М.: Госюриздат, 1960. 719 с.
4. Ивонина Л.И. Война в международно-правовых концепциях Вестфальской системы // Изв. Смоленского гос. ун-та. 2010. № 3. С. 208–219.
5. Апресян Р.Г. Этика силы – в противостоянии насилию и агрессии // Вопросы философии. 2010. № 9. С. 143–153.
6. Жуков В.Н. Право и нравственность в русской школе возрожденного естественного права // Право и политика. 2001. № 1. С. 11–18.
7. Grotius H. The Freedom of the Seas or the right which belongs to the Dutch to take part in the East Indian Trade. N. Y.: Oxford University Press, 1916. 63 p.
8. Аннерс Э. История европейского права. М.: Наука, 1994. 395 с.
9. Von Glahn G. Law among nations: an introduction to public international law. Needham Heights, Massachusetts, 1996. 734 p.
10. Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во МГУ : Инфра-Норма, 1998. 624 с.
11. Ревуненкова Н.В. «Золотая книга» Гроция и лекция ГМИР // Религиоведение. 2014. № 3. С. 20–35.
12. Грабарь В.Э. Трактаты Гуго Гроция, посвященные международному праву // Изв. АН СССР. Отд-ние экономики и права. 1946. № 1. С. 39–51.
13. Современные международные отношения / под ред. А.В. Торкунова. М.: РОССПЭН, 2001. 544 с.

ВОЛКОВ Сергей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

Россия, 603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23

e-mail: fmo-volkov@rambler.ru

S.Yu. Volkov

ETHICAL ASPECTS OF POLITICAL AND LEGAL DOCTRINE OF HUGO GROTIUS

The article is devoted to the study of moral content and the legal interpretation of the Early Modern International Relations in the doctrine of Hugo Grotius, the founder of the International Law Science. A great deal of attention is paid to the philosophical foundation of the great Dutch scholar ethical concept as well as to his contribution to the process of developing the fundamental theory of Natural Law. Besides the author places an emphasis on specific principles and methods that Hugo Grotius proposes to settle the political turmoil. The relevance of studying Hugo Grotius ideas is determined primarily by the fact that nowadays such key issues of International Relations as reconciliation of religious conflicts, the elimination of unjustified cruelty of military operations, protection of the rights of refugees and prisoners of war, the security of civilian population and the humane treatment of vanquished enemy are regaining the paramount importance.

ETHICAL STANDARDS; EARLY MODERN PERIOD; POLITICAL THEORIES; HUGO GROTIUS.

REFERENCES

1. Grotius H. *O prave voyny i mira* [On the law of war and peace]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1957. 868 p. (In Russ.)
2. Grabar V.E. [Hugo Grotius and Gentili Alberico as representatives of two trends in the science of international law]. *News of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Economics and Law*, 1946, no. 1, pp. 13–25. (In Russ.)
3. Vattel E. *Pravo narodov, ili Printsipy yestestvennogo prava, primenyayemyye k povedeniyu i delam natsiy i suverenov* [Law of Nations, or the principle of natural law applied to the conduct and affairs of nations and sovereigns]. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1960. 719 p. (In Russ.)
4. Ivonina L.I. [War in the international legal concepts of Westphalian system]. *Bulletin of the Smolensk State University*, 2010, no. 3, pp. 208–219. (In Russ.)
5. Apresyan R.G. [Ethics of force – In opposition to violence and aggression]. *Problems of Philosophy*, 2010, no. 9, pp. 143–153. (In Russ.)
6. Zhukov V.N. [Law and morality in the revived Russian school of Natural Law]. *Law and Politics*, 2001, no. 1, pp. 11–18. (In Russ.)
7. Grotius H. *The Freedom of the Seas or the right which belongs to the Dutch to take part in the East Indian Trade*. New York, Oxford University Press, 1916. 63 p.
8. Anners E. *Istoriya yevropeyskogo prava* [The History of European Law]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 395 p. (In Russ.)
9. Von Glahn G. *Law among nations: an introduction to public international law*. Needham Heights, Massachusetts, 1996. 734 p.
10. Berman G.Dzh. *Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya* [The Western tradition of law: the period of the formation]. Moscow, MGU Publ., Infra-Norm Publ., 1998. 624 p. (In Russ.)
11. Revunenkov N.V. [“The Golden Book” of Grotius and collection GMIR]. *Religious*, 2014, vol. 3, pp. 20–35. (In Russ.)

12. Grabar V.E. [Tractates of Hugo Grotius devoted to international law]. *News of the Academy of Sciences of the USSR. Department of Economics and Law*, 1946, no. 1, pp. 39–51. (In Russ.)

13. *Sovremennyye mezhdunarodnyye otnosheniya* [Contemporary International Relations]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2001. 544 p. (In Russ.)

VOLKOV Sergey Yu. — *Nizhniy Novgorod State University.*

Pr. Gagarina, 23, Nizhniy Novgorod, 603950, Russia

e-mail: fmo-volkov@rambler.ru

© Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2016